

Политическая теория и философия

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-5-15

ИДЕАЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ОБЪЯСНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА

А. Д. Онищенко

Онищенко Антон Дмитриевич, аспирант,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: onishchenko.ad@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4506-6452. ResearcherID: AAD-8268-2019)

Аннотация

Роль представлений агентов в определении направления институциональных трансформаций часто недооценивается, это особенно справедливо при анализе формирования и/или реформирования институционального дизайна во время кризиса, когда значение иных факторов может снижаться. Традиционные для политологов институциональные подходы – исторический институционализм и институционализм рационального выбора – не всегда способны адекватно оценить влияние, которое идеи агентов оказывают на институциональные трансформации. Идеационный институционализм, напротив, позволяет сфокусироваться на этих идеях, а также проанализировать как их влияние на возникающие институты, так и влияние идей разных агентов друг на друга. Кроме того, идеационный институционализм в представленном в статье виде предлагает отойти от восприятия идей исключительно как intersubjectивных и изучать представления каждого лица, принимающего решение, отдельно, что позволяет оценить роль конкретного агента в формировании институтов. Этот подход перспективен, в частности, при анализе происходивших в странах постсоветского пространства институциональных изменений после распада Советского Союза. В статье рассмотрены основные характеристики идеационного подхода и очерчены рамки его применения на примере институциональных изменений в Республике Беларусь в 1990-е гг.

Ключевые слова: идеационный институционализм; институты; институциональные трансформации; идеи; кризис; дискурс; Республика Беларусь.

Введение

В моменты кризиса¹ институциональные системы оказываются в своего рода системном вакууме: прежние институты утрачивают способность к самовоспроизводству и самоподдержке, «правила игры» теряют свою значимость и в значительно меньшей степени влияют на поведение акторов, а логика последовательного исторического развития системы оказывается скомпрометирована. Нестабильность институтов во время кризиса ведет к потере политическими агентами способности продолжать свою деятельность в логике ранее функционирующей системы, т.е. реорганизация существующих институтов становится жизненно важной для эффективной деятельности политических агентов. Если этого не происходит, дальнейшее развитие системы остается непредсказуемым, кризис затягивается, и система теряет управляемость.

Объяснительная сила «традиционных» институциональных теорий – исторического институционализма (Thelen & Steinmo, 1992) и институционализма рационального выбора (Olson, 1965; Ostrom et al., 1993) – снижается в периоды системного кризиса, и исследователи вынуждены вводить дополнительные переменные или искать альтернативные подходы для анализа состояния и динамики развития политических систем. Осознание этого привело к возникновению в начале XXI в. новой

© Онищенко А. Д., 2021

¹ В статье кризис рассматривается как период, во время которого существующая институциональная система оказывается уничтоженной или не в состоянии существовать дальше в том же виде, т.е. трансформация институтов становится «неизбежной».

версии неинституционализма – идеационного¹ (Hay, 2008: 56; Schmidt, 2008), – который должен был преодолеть проблему объяснения институционального выбора в момент кризиса, а также объяснить логику развития институтов после формирования нового институционального дизайна.

Идеационный институционализм не предлагает исчерпывающих объяснений, однако учитывает при анализе дополнительные факторы, традиционно игнорируемые или, по крайней мере, в меньшей степени принимаемые во внимание другими институциональными подходами. В частности, идеационный институционализм фокусируется на анализе идей, носителями которых выступают лица, принимающие решения (агенты, акторы). Также идеационный институционализм постулирует, что как идеи, так и институты постоянно влияют друг на друга – т.е. они находятся в непрерывной взаимосвязи – и, таким образом, постоянно трансформируются (Schmidt, 2010; Hay, 2011).

Основной аргумент идеационного институционализма можно сформулировать следующим образом: институциональный кризис снижает способность самой системы влиять на агентов, действующих в ее рамках и логике, и на саму себя, из-за чего на первый план выходят, в частности, идеи агентов (их представления о том, как должна выглядеть система). Трансляция идей каждого отдельного агента и взаимообмен этими идеями в конечном итоге приводят к формированию новой институциональной системы, которая кодифицирует и формализует эти идеи (например, в виде текстов законов): сложившаяся новая система соответствует идеям лиц, участвовавших в ее формировании, а непрерывающееся взаимовлияние идей и институтов ведет к дальнейшей эволюции системы.

Аналитический фокус на идеях (представлениях, убеждениях, верованиях и т.д.) агентов позволяет не только понять, как и почему институциональная система трансформировалась и ее дизайн приобрел именно такой вид, но и проследить последующую эволюцию институтов². Механизм влияния идей агентов на формирующийся институциональный дизайн заключается в следующем: агент, оказавшись в такой ситуации³, когда у него есть возможность кодифицировать свои представления в институты и нет необходимости следовать существующим «правилам игры» ввиду отсутствия таковых, стремится сформировать институты таким образом, чтобы они отражали его идеи; для достижения своей цели агент может использовать, например, публичные дебаты, транслируя с их помощью свои представления и убеждая других игроков и социум в том, что именно его идеи наилучшие; притом агент – т.к. «правила игры» временно не существуют – необязательно стремится к максимизации выгоды с учетом объективных ограничений, напротив, его конечной целью может быть полноценное (или близкое к такому) воплощение его идей в реальность⁴. Такой подход к анализу влияния идей агента на институты позволяет предсказывать, какой будет институциональная система после кризиса.

Структура статьи выглядит следующим образом: в первой части рассмотрены основные положения и особенности идеационного институционализма; во второй части – ограничения данного подхода и актуальные дискуссии о нем; в третьей части приведена краткая иллюстрация потенциального применения идеационного подхода к анализу институциональных изменений в посткризисных государствах (на примере Республики Беларусь).

Идеационный институционализм: особенности подхода

Институциональная теория – один из самых популярных в политической науке подходов сегодня (Commons, 1959; March & Olsen, 1984), при этом наиболее часто исследователи используют исторический институционализм (Thelen & Steinmo, 1992) и институционализм рационального выбора (North, 1990; Ostrom et al., 1994; Ostrom, 1997). Несмотря на объяснительный потенциал этих теорий, обе сталкиваются с весьма серьезной критикой: исторический институционализм «обвиняют» в историческом редукционизме и детерминизме (Guy Peters et al., 2005), а институционализм рационального выбора – в отрыве от реальности: невозможности существования в реальном мире таких (политических) агентов, которые будут действовать обязательно рационально в заданных условиях (Saimon, 1978; Канеман и Тверски, 2003), – а также в том, что рациональность объясняет мотивацию

¹ Этот подход также называют конструктивистским (К. Хэй) и дискурсивным (В. Шмидт), но в данной статье будет использоваться термин «идеационный институционализм».

² Таким образом, этот подход претендует на способность предсказывать будущий институциональный дизайн на основе анализа именно идей агентов, формирующих систему.

³ В статье рассматривается именно ситуация кризиса, когда у агента появляется уникальная возможность сформировать такой дизайн, который бы наиболее соответствовал его идеальным представлениям об институциональном дизайне.

⁴ Невозможно утверждать, что агент всегда действует таким образом, но подобный контекст, когда у него появляется возможность не считаться с действующими институтами, повышает вероятность подобного.

агентов, однако склонна игнорировать их предпочтения (Панов, 2015: 43). Таким образом, ограничения этих типов институционализма тесно связаны с их онтологической базой: позитивистский институционализм рационального выбора не способен полноценно учесть «внерациональные» факторы, влияющие на институты и агентов, а исторический институционализм, несмотря на возможность его интерпретации с разных позиций, не способен отойти от исторической оптики даже в случае необходимости. С целью преодоления этих ограничений и был разработан идеационный институционализм.

Можно выделить четыре основные характеристики идеационного институционализма: (1) институты рассматриваются как кодифицированный набор идей и практик¹, (2) процесс эволюции/трансформации институтов и идей непрерывен, (3) поведение агентов необязательно предопределяется контекстом², (3) идеи каждого агента относительно уникальны.

Такая кодификация институтов – которые понимаются не просто как «правила игры», но как набор идей агентов и практик, которые поддерживают эти идеи – позволяет сфокусироваться на ключевых моментах трансформаций: т.к. институты воплощают собой идеи агентов, их дальнейшее существование поддерживается агентами, разделяющими эти идеи. Однако, реальность динамична, и агенты могут выбирать разнообразные модели поведения в рамках существующих институтов. Таким образом, не только идеи оказывают влияние на институты, но и институты также влияют на идеи, т.е. и институты, и идеи находят в постоянном процессе трансформации при взаимном влиянии (Нау, 2008).

Такое понимание институтов и институциональных процессов смещает фокус с анализа только функционирования институтов или анализа исключительно их генезиса. Вместо этого идеационный институционализм стремится как объяснить возникновение институтов в определенном виде, так и проследить их последующее развитие: поскольку идеи и институты взаимно влияют друг на друга, а нормализация идей одних политических агентов (закрепление их в практиках и принятие их другими политическими агентами системы) ведет к институционализации этой системы, процесс взаимовлияния на эволюцию идей и институтов становится перманентным, что позволяет анализировать в том числе развитие системы.

Это становится возможным, поскольку реальность воспринимается как социальный конструкт, и идеи выступают в качестве предпосылок институционализации и институциональных изменений, т.е. предопределяют то, какими будут институты (Ibid). Однако однажды кодифицированные идеи не могут оставаться в неизменном виде, т.к. взаимный обмен идеями между агентами в системе приводит к трансформации идей каждого агента. А трансформировавшиеся идеи требуют кодификации, т.е. институты также изменяются. Кроме того, в моменты нестабильности системы именно идеи конструируют последующие институциональные изменения (Schmidt, 2011): конкуренция представлений различных политических акторов структурирует течение кризиса, и лишь победа одной из конкурирующих идей (набора идей) или приведение конкурирующих идей к какому-то «усредненному набору» – институционализация идеи-«победителя» – способна положить конец кризису³.

Поскольку контекст динамичен, поведение акторов не предопределено внешними условиями – это справедливо и для моментов кризиса, когда система становится турбулентной и непредсказуемой, а ее способность оказывать влияние на агентов снижается. Таким образом, если в некризисный период идеи и институты влияют друг на друга в относительно равной степени⁴, то в кризис основным источником влияния становятся идеи, которые способствуют формированию нового дизайна институциональной системы, так как старый был скомпрометирован неспособностью ответить на вызовы, что и привело к кризису.

Идеационный институционализм не привязывает идеи исключительно к историческому процессу⁵ и отрицает непреложность принципа *path dependence*. Вместо этого этот подход концентрируется на обмене идеями между агентами и, более того, на том, как конкретный агент перерабатывает эти идеи. Возможность анализировать поведение акторов в моменты системной нестабильности, когда та среда, которая могла бы сама собой определять поведение агентов и их выбор, попросту отсут-

¹ Кодификация не означает, что для идеационного институционализма существуют только формальные институты, однако анализ неформальных институтов выглядит проблематичным в такой перспективе, поэтому в этой статье речь идет именно о формальных институтах.

² Контекст не теряет свое значение, однако у агента есть возможность (ре)интерпретации как институтов, так и собственных идей, что приводит к большему набору опций.

³ Как указано выше, кризис – это такой период, когда возникает необходимость переопределить институциональный дизайн, т.к. существование институтов в сложившемся на этот момент виде не способно преодолеть проблемы.

⁴ Их взаимное влияние потенциально одинаково.

⁵ В отличие от исторического институционализма.

ствуется, является сильной стороной идеационного институционализма (Schimdt, 2010; Най, 2011) – это выгодно отличает идеационный подход от «мейнстримных» теорий.

Идеационный институционализм: ограничения, развилки, дискуссии

Как уже было отмечено выше, идеационный институционализм видит социальную реальность отлично от институционализма рационального выбора и фокусируется на предпочтениях агентов, а не на их рациональной мотивации. Как признают сами авторы идеационного институционального подхода, конструктивистская призма тесно связана с историческим институционализмом, однако при этом дает возможность преодолеть «исторический детерминизм». Эти особенности идеационного институционального подхода позволяют провести более глубокий анализ тех аспектов, которые обычно оказываются менее важны или привязаны к иным процессам (например, к историческому развитию) в рамках других подходов; кроме того, идеационный институционализм позволяет зафиксировать динамику институциональных изменений и выявить факторы, влияющие как на трансформацию институтов, так и на трансформацию идей, кодифицированных в эти институты.

Основные вызовы, стоящие перед идеационным институционализмом, сегодня таковы: (1) отсутствие конвенционального понимания «субъективного»¹; (2) противоречивость влияния идей на политические процессы (проблема здесь заключается в том, как традиционная неоинституционалистская концептуализация материальных интересов отличается от их концептуализации в рамках идеационного институционализма: сторонники последнего подхода разделяют материальные интересы на «материальную реальность» и «интересы», где последние рассматриваются в качестве «субъективного ответа на объективную реальность» (Beland and Cox, 2010: 84))²; (3) проблема идеационного детерминизма; (4) неясность относительной значимости материальных и идеационных факторов.

Идеационный институционализм – относительно молодой подход, однако он быстро развивается: в его рамках уже выделились отдельные течения. Одним из подвидов идеационного институционализма является предложенная Вивьен Шмидт дискурсивная версия (Schmidt, 2011): она фокусируется на интерактивной природе дискурсов³ в институциональном контексте. Шмидт связывает дискурсы⁴ и их трансформацию не с исторической зависимостью (*path dependence*) или стратегической рациональностью (*strategic rationality*), но с тем, как элиты, в дискурсах которых существуют идеи (часто не артикулированные или не выраженные эксплицитно), транслируют их и, таким образом, (ре)конструируют свои представления о будущем и своей идентичности (Schmidt, 2009: 258). Результатом этого процесса становятся институциональные изменения, которые закрепляют произошедший идейный обмен.

Например, в своей работе, посвященной стратегическому видению будущего Евросоюза европейскими политическими элитами, Шмидт анализирует стратегические видения представителей стран-членов ЕС, тесно связанные с наличием или отсутствием общих идентичностей (Ibid.: 257). Эти идентичности представляют собой определенный набор идей, которые разделяет ряд политических агентов и которые они же транслируют друг другу и вовне. Шмидт выделяет четыре основных дискурса, которые связаны со стратегическим видением будущего Евросоюза, и ряд факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии европейскими странами (Ibid.: 258). Согласно Шмидт, взаимодействуя друг с другом и обмениваясь затем идеями, элиты стран-членов ЕС формулируют ряд конкурирующих стратегий. Затем они создают коалиции в рамках выделенных стратегий⁵. Подобные коалиции формируются ситуативно, их конфигурация может изменяться в зависимости от стратегии и способности какой-либо группировки конструировать более привлекательный набор идей (Ibid.). Подход Вивьен Шмидт в целом соотносится с общими представлениями об идеационном институционализме, но постулирует именно интересубъективный характер как дискурсов, так и идей, заключенных в них.

Другой пионер идеационного институционализма Колин Хэй, рассуждая о существовании вариаций капитализма, демонстрирует значимость идей в институционализации экономики: существу-

¹ Колин Хэй предлагает отказаться от понимания идей как исключительно интересубъективного продукта и рассматривать идеи через призму их интерпретации каждым отдельным агентом (см. ниже).

² Подобная перспектива позволяет рассматривать идеи как независимые переменные, способные оказывать влияние не (ре)формирование институтов, т.е. анализировать прямую каузальную связь между первыми и последними.

³ Для Шмидт все идеи, транслируемые агентами, интересубъективны.

⁴ Дискурс здесь понимается в постструктуралистском духе Лаклау и Муффа.

⁵ Каждый раз коалиции элит ситуативны и их конфигурация изменяется в зависимости от стратегии.

ющие *идеальные* представления (идеи) акторов вынуждают их действовать в рамках ожидаемого (того, что предполагается той или иной экономической моделью) даже в тех случаях, где на практике мы не наблюдаем реализацию этих ожиданий или когда наблюдаем противоположные процессы и события (Нау, 2020).

Подобно тому, и стратегия реформирования экономики ФРГ в условиях полной разрухи после окончания Второй мировой войны, оказавшаяся очень успешной (и получившая название «немецкого экономического чуда»), была основана на идеях ордолиберализма представителя Фрайбургской школы Вальтера Ойкена и других ученых-экономистов. «Отец» германской экономической реформы Людвиг Эрхард взял эти идеи за основу своей реформы.

В другой своей работе Хэй демонстрирует, как идеи повлияли на лиц, принимающих решения, и привели к Брекситу (*Brexit*) в Британии. Экономический кризис и последовавшее за ним замедление темпов экономического роста на фоне доминирующих (и конкретных) представлений о том, как должна выглядеть экономика Великобритании, и институциональном дизайне, необходимом для этого, привели к росту евроскептических настроений, что, в свою очередь, и привело к Брекситу (Нау, 2020).

В отличие от Шмидт, рассматривающей идеи исключительно в рамках существующих дискурсов, или одного общего дискурса (Schmidt, 2009; Schmidt, 2010), Хэй ставит под сомнение универсальную (и даже ситуационную) «взаимозаменяемость акторов» (Нау, 2017: 239). По его мнению, каждый агент не только воспринимает транслируемые ему идеи, но и перерабатывает их через свой личный уникальный опыт, т.е. один и тот же представитель какой-то группы внутри политической элиты будет понимать каждую идею несколько иначе. Колин Хэй предлагает отказаться от концепции «субъективности» и различать «интра-субъективное» и «интер-субъективное», где первое относится к интерпретации какой-либо идеи конкретным актором, а второе – к дискурсивным (общим) идеям (Ibid.). Такая интерпретация не отменяет наличие общего понимания значимости как идей, так и институтов, но лишь демонстрирует их взаимосвязь и взаимовлияние.

Стоит отметить, что как сторонники, так и противники идеационного институционализма до сих пор ведут споры об адекватности новых предлагаемых теоретических рамок исследования институтов и институциональных процессов. Некоторые высказывают опасения, что в попытках уйти от «институционального и исторического детерминизма» проponentы идеационного институционализма могут постепенно прийти к тому же детерминизму, но уже идеационному (Bell, 2011). Тем не менее, сторонники идеационного институционального подхода справедливо указывают на то, что они отдают себе отчет в существовании проблемы корректной оценки «веса» – поиск адекватного баланса между идеационными (*ideational*) и материальными (*material*) факторами (Gofas & Naу, 2010) – идеационных факторов в сравнении с другими, и учитывают это при проведении эмпирических исследований¹.

Широко обсуждаются и другие проблемы идеационного подхода. Например, в то время как существует конвенциональное понимание связи институтов и идей, а также влияния последних на институциональные дизайн и трансформации, одновременно можно обнаружить концептуальные дискуссии, напрямую связанные с тем, что понимается под идеями: одни предлагают рассматривать идеи как исключительно дисперсные продукты², которые обладают конституирующим свойством, т.е. неспособные напрямую влиять на политические процессы, но задающие определенную рамку (например, см. Малинова, 2010); другие утверждают, что анализ должен фокусироваться непосредственно на агентах, и идеи видят уникальными для каждого из них (Нау, 2017).

Примером другого расхождения среди исследователей, работающих с идеационным анализом, выступает спор о необходимости отдельного «конструктивистского подхода»: Стивен Белл отмечает, что исторический институционализм сам по себе существует в виде разных версий себя, некоторые из которых успешно инкорпорируют конструктивистское понимание социальной реальности и роли агента в ней, что позволяет им не менее успешно справляться с вызовами и проблемами, на которые указывают сторонники идеационных подходов (Bell, 2011: 906).

В свою очередь, Дэниел Беланд относит сам концепт «идей» к историческому институционализму и считает, что идеи связаны непосредственно с «исторически сконструированными убеждениями и представлениями» (Beland, 2019: 4). Сабине Сауртгер утверждает, что конструктивистские подходы особенно полезны при анализе сложных институциональных систем (например, Евросоюза):

¹ Не существует какого-либо универсального способа решения этой проблемы, и каждый исследователь вынужден разрабатывать адекватный исследовательский дизайн *ad hoc*.

² Такой подход тесно связан с пониманием Шмидт идей как продуктов конкуренции дискурсов.

в частности, анализ агентов позволяет внедрить инструменты для концептуализации непосредственно институциональной комплексности (Saurugger, 2013: 901). Фокусирование на идеях представляет собой удобный инструмент для преодоления тех проблем, которые возникают перед исследователем, который следует логике исторической зависимости или логике других институциональных подходов.

Критики конструктивизма вообще и конструктивистского подхода в институциональной политологии в частности до сих пор ставят под сомнение то, что идеационный анализ в таком виде способен преодолеть проблемы, с которыми сталкиваются исследователи институтов. Однако ряд работ в рамках идеационного институционализма доказывает состоятельность идеационного подхода и демонстрирует случаи, когда его применение полезно, как минимум, наряду с применением иных подходов.

Идеационный институционализм активно обсуждается в англоязычной литературе на протяжении последних двадцати лет. Меньшее внимание ему уделяют в России: сегодня предпринимаются попытки призвать к дискуссии и даже начать широко применять предлагаемый идеационный подход (Шипунова, 2012; Пономарев, 2016; Коновалов, 2017), однако до сих пор эти призывы не получили широкого отклика от академической аудитории. Например, Сергей Патрушев представил еще в конце 2000-х обзорную статью, в которой упоминал развитие идеационного институционализма, но уже тогда он высказывал опасения, что, ввиду отставания российской политологии от общемировых трендов, мы можем столкнуться с тем, что эти теории обретут сторонников довольно нескоро (Патрушев, 2009). Позже, Анатолий Кузнецов предпринял попытку ввести в обиход дискурсивный метод в институционализме (Кузнецов, 2014). Последней на сегодня попыткой активизировать дискуссию стала статья Ирины Шмерлиной, в которой она лишь вскользь затрагивает идеационный институционализм и стремится познакомить читателя с еще одним «более новым» подходом (Шмерлина, 2016).

Исследовательская повестка в рамках применения подхода: кейс Беларуси после дезинтеграции СССР

Как уже заявлялось выше, идеационный институционализм полезен при анализе институционального становления и развития стран в период кризиса (особенно момент от разрушения предыдущего институционального дизайна и становления нового): как Колин Хэй успешно проанализировал влияние идеационных факторов на Брексит и последующие ввиду него институциональные трансформации в Великобритании, так и анализ институциональных трансформаций постсоветских стран после распада Советского Союза может быть обогащен применением идеационного подхода.

Ярким примером является Республика Беларусь, которая – в отличие от ряда других постсоветских государств – после развала СССР столкнулась с конкурирующими элитарными группировками и отдельными акторами, каждый из которых предлагал собственные представления о том, как должен выглядеть формирующийся институциональный дизайн страны¹.

После распада СССР и прекращения существования предыдущей институциональной системы политические акторы в Беларуси, как и в других постсоветских странах, оказались перед необходимостью сделать выбор в отношении нового институционального дизайна и последующего развития институтов. Общим итогом стало возникновение в Беларуси суперпрезидентской республики.

Несмотря на то, что сегодня такой исход кажется едва ли не очевидным, существующий в настоящее время институциональный дизайн был сформирован только к середине 1990-х гг., когда нынешний президент Александр Лукашенко организовал и провел два референдума, по результатам которых он приобретал все больший политический вес и более широкие полномочия. Однако сразу после распада СССР Беларусь оказалась на институциональной развилке, и ее политическая система могла сегодня быть иной, если бы победу одержали конкурирующие идеи другой части политической элиты Беларуси.

Контекст², в котором существовала Беларусь после распада СССР, обладал несколькими важными характеристиками. Во-первых, отсутствовала эффективная альтернатива либеральной демократической системе: Советская система была разрушена, и единственным близким «примером» были системы европейских стран – в таких условиях кажется более рациональным стремиться приблизить

¹ Другие постсоветские государства столкнулись с теми же вызовами, но в данной статье будет рассмотрен случай Республики Беларусь.

² Как указывалось ранее, контекст оказывает влияние на формирование как идей агентов, так и институтов, несмотря на то, что каждый агент интерпретирует контекст несколько differently от других.

формирующийся дизайн к соседскому для более эффективного взаимодействия (чего в Беларуси не произошло). Во-вторых, соседство с Россией оказывало влияние посредством того, как тот или иной политический актор относился к ней: Россия могла рассматриваться в качестве фактора-ирританта (в связи с видением ее как «наследницы СССР») или как дружественное государство. В-третьих, у Беларуси отсутствовал опыт существования в качестве независимого государства: эта постсоветская республика в разные годы (и последовательно) входила в составы Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, СССР. В-четвертых, значимым фактором была символическая и историческая близость со странами Балтии: даже сегодня можно увидеть эти связи в государственных и народных символах (например, бело-красно-белый флаг, используемый оппозицией). В-пятых, отсутствовала консолидированная национальная идентичность (Pranevičiūtė, 2007). Таким образом, Беларусь обладала потенциалом развития как в проевропейском направлении (примеры стран Балтии), так и в иных.

Некоторые из этих и других характеристик, общие для всех постсоветских стран: соседство с Россией, постсоветский институциональный дизайн, экс-номенклатура (даже в Балтийских странах бывшие советские чиновники частично или в значительной мере участвовали в управлении новыми государствами (Смирнов, 2011)), падение уровня благосостояния производства. Однако в случае Беларуси любопытным оказывается именно ряд пересекающихся с другими постсоветскими странами, сделавшими стратегический выбор в пользу европейскости (Литва, Латвия и Эстония) характеристик: (1) Беларусь – малое государство (это должно бы было привести к тому, что Беларусь, ощущая свою уязвимость, стремилась бы к «корпоративской политике» (Katzenstein, 2003: 11), т.е. к сближению с экономически сильной соседствующей группировкой – Евросоюзом), (2) общее «историческое наследие», (3) близость к Европе. Такая конфигурация сходных параметров позволяет задаться вопросом, какие факторы оказали влияние на институциональный выбор Беларуси: если материальные факторы и их влияние были изучены (Fritz, 2007), то идеационным часто не предавали должного значения.

До середины 1990-х гг. в Беларуси наблюдалась политическая и идеологическая конкуренция – существовали четыре проекта Конституции: помимо Александра Лукашенко (который присоединился к Советской экс-номенклатуре, доминировавшей в Верховном Совете Республики Беларусь), свои проекты представили иные депутаты и члены руководства Верховного Совета (председатель Совета министров Вячеслав Кебич, депутат и член Президиума Верховного Совета Мечислав Гриб и др.). При этом настроения в парламенте в целом можно было охарактеризовать как проевропейские (Frye, 1997: 540–544). Несмотря на это, в итоге Беларусь пошла по пророссийскому пути и установлению авторитарной системы, то есть победу одержали идеи Лукашенко, закрепленные посредством двух референдумов (1995 и 1996 гг.).

В предвыборной программе Александра Лукашенко 1994 г.¹ можно найти его отношение к ряду проблем, упомянутых ранее. Например, среди своих целей он изначально указал «восстановление ... связей ... с Россией и Украиной»². Кроме того, в этой же программе Лукашенко противопоставляет партийную власть и народную, таким образом формулируя представление о том, что парламентское управление хуже альтернативного (президентского). Лукашенко также предлагает закрепить ответственность и контроль над широким перечнем сфер общественной жизни за государством, а, исходя из предыдущего пункта, следовательно за президентом Республики Беларусь³.

Вычлененные выше представления Александра Лукашенко о том, каким должна выглядеть институциональная система Беларуси, были в итоге кодифицированы в Конституции 1994 г. (как и выносимые на референдумы 1995 и 1996 гг. положения): наиболее значимым здесь выступает закреплённая сильная президентская власть (раздел IV, глава 3)⁴.

Результатом этих процессов (публичная трансляция идей Лукашенко, его победа и т.д.) стало расширение президентских полномочий и сведение функции парламента практически на нет: например, после своего избрания на пост президента Александр Лукашенко оправдывал политический ре-

¹ Стоит отметить, что идеи Лукашенко закреплены не только в его предвыборной программе, но также в интервью и иных публичных выступлениях, однако в рамках этой статьи представляется трудноосуществимым полный анализ его дискурса, поэтому будут рассмотрены широкие параллели между заявленным в программе и внесенным в Конституцию Республики Беларусь.

² Радзьё Свабода, «Праграма Аляксандра Лукашэнкі» [online]. Available at: URL: <https://www.svaboda.org/a/2149925.html> (Accessed: 4th December 2020).

³ Ibid.

⁴ Конституция Республики Беларусь [online]. Available at: URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (Accessed: 5th December 2020).

жим некоей «необходимостью», что также можно проследить в других его выступлениях в эти годы¹. Артикулируемые Лукашенко идеи² отличались от конкурирующих, и их кодификация в институтах отдаляла страну от европейских государств.

Таким образом, существование различных представлений о будущей институциональной системе Республики Беларусь и их конкуренция стали одним из факторов, определивших финальные институциональные выбор и дизайн. Безусловно, открытым остается вопрос степени влияния идей на институциональные трансформации в данном случае, но, тем не менее, эта ситуация выступает иллюстрацией объяснительного потенциала идеационного институционализма.

Заключение

Развитие политической науки требует постоянного теоретического обогащения и демонстрирует принципиальную необходимость существования конкурирующих теорий. Кроме того, невозможно всегда сводить анализ к упрощенным моделям (как это нередко происходит). Появление и развитие идеационного институционализма не только выглядит многообещающим для решения некоторых проблем политической науки, но уже демонстрирует результаты его применения: приращение знания относительно того, как происходит идеационная интеракция агентов в период кризиса, и какое влияние их идеи оказывают на институты.

Некоторые «рецепты» идеационного подхода кажутся адекватными и перспективными: отказ от концепта «субъективного» в пользу разделения его на взаимосвязанные «интра-» и «интер-субъективное» позволяет преодолеть проблему атрибуции идей и вывести анализ из поля статичного. В то же время ряд проблем остается открытым для дальнейшей дискуссии, а определение относительной значимости разных факторов представляет собой широкое поле для дальнейшей работы.

Несмотря на имеющиеся проблемы, идеационный институционализм – это удобная аналитическая линза для выявления того, как убеждения акторов влияют на формирование и последующее развитие институтов, и наоборот – как институты меняют представления акторов. Более широкое применение этой теории кажется многообещающим, особенно когда речь идет об исследовании процессов на постсоветском пространстве. Идеационный институционализм способен обогатить наше понимание процессов институциональных трансформаций и выбора в пользу того или иного институционального дизайна, который делали политические агенты в моменты системной нестабильности (распад СССР, Брексит и т.д.).

Вовлечение российских политических ученых, исследователей из смежных областей в дальнейшее обсуждение и применение идеационного институционализма потенциально не только способно повысить валидность и эффективность данного подхода, но и обогатить саму российскую науку.

¹Александр Лукашенко в программе «Диалог в прямом эфире», *Фрагмент (1994)* [online]. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z-tSJeroRLA> (Accessed: 5th December 2020).

² Отметим, что теоретический характер и объем статьи, в которой сюжеты Беларуси и Лукашенко являются лишь иллюстрацией, не позволяют дать полноценный анализ идей Лукашенко (и его конкурентов), их генезиса, (ре)конструировать нарративы и т.п.

Список литературы / References

- Канеман, Д. и Тверски, А. (2003) 'Рациональный выбор, ценности и фреймы', *Психологический журнал*, 24(4), сс. 31–42. [Kahneman, D. and Tversky, A. (2003) 'Rational choice, values and frames' [Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy], *Psikhologicheskii zhurnal*, 24(4), pp. 31–42. (In Russ.)].
- Коновалов, Д. А. (2017) 'Особенности формирования и функционирования диктатур с позиций конструктивистского институционализма', *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 3, сс. 416–421. [Konovalov, D. A. (2017) 'Formation and functioning features of dictatorships from the point of view of constructivist institutionalism' [Osobennosti formirovaniya i funktsionirovaniya diktatur s pozitsii konstruktivistskogo institutsionalizma], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 3, pp. 416–421. (In Russ.)].
- Кузнецов, А. М. (2014) '«Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа', *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 4, сс. 203–227. [Kuznetsov, A. M. (2014) "«New institutionalism»: discursive analysis perspective" [«Novyi institutsionalizm»: vzglyad cherez prizmu diskursivnogo analiza], *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obschestvovedcheskikh distsiplin*, 4, pp. 203–227. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2010) 'Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 90–99. [Malinova, O. Y. (2010) 'Ideas as independent variables in political research: searching for adequate methodology' [Idei kak nezavisimye peremennye v politicheskikh issledovaniyakh: v poiskakh adekvatnoi metodologii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 90–99. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2015) 'Институционализм(ы): Объяснительные модели и причинность', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 39–55. [Panov, P. V. (2015) 'Institutionalism(s): Explanatory models and causality' [Institutsionalizm(y): Ob'yasnitel'nye modeli i prichinnost'], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 39–55. (In Russ.)].
- Патрушев, С. В. (2009) 'Институциональная политология: четверть века спустя', *Политическая наука*, 3, сс. 5–19. [Patrushev, S. V. (2009) 'Institutional political science: a quarter of a century after' [Institutsional'naya politologiya: chetvert' veka spustya], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 5–19. (In Russ.)].
- Пономарев, Н. Ф. (2016) *Коммуникационный менеджмент власти: институциональные теории и дискурсивные практики: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА: Наука. [Ponomarev, N. F. (2016) *Communication management of power: institutional theories and discursive practices: handbook* [Kommunikatsionnyi menedzhment vlasti: institutsional'nye teorii i diskursivnye praktiki: uchebnoe posobie]. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)].
- Смирнов, В. А. (2011) 'Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х годов: Роль «политиков морали»', *Балтийский регион*, 4(10), сс. 18–21. [Smirnov, V. A. (2011) 'The formation of the political elite in Lithuania at the turn of the 1980s-1990s: the role of "moral politicians"' [Formirovanie politicheskoi elity Litvy na rubezhe 1980-1990-kh godov: Rol' «politikov morali»], *Baltic Region*, 4(10), pp. 18–21. (In Russ.)].
- Шипунова, Т. В. (2012) 'Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(2), сс. 157–172. [Shipunova, T. V. (2012) 'Macro-micro-macro-model of social control over deviance in constructivist perspective: an invitation to discussion' [Makro-mikro-makro-model' sotsial'nogo kontrolya deviantnosti v konstruktivistskoi perspective: priglashenie k diskussii], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 15(2), pp. 157–172. (In Russ.)].
- Шмерлина, И. А. (2016) '«Институциональная логика»: критический анализ направления', *Социологический журнал*, 4, сс. 110–138. [Shmerlina, I. A. (2016) "«Institutional logic»: critical analysis of the di-

- rection' ["Institutsional'naya logika": kriticheskii analiz napravleniya], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, pp. 110–138. (In Russ.).
- Beland, D. and Cox, R. H. (2010) *Ideas and Politics in Social Science Research*. USA: Oxford University Press.
- Bell, S. (2011) 'Do We Really Need a New 'Constructivist Institutionalism' to Explain Institutional Change?', *British Journal of Political Science*, 41(4), pp. 883–906.
- Commons, J. R. (1959) *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Vol. 1, Madison: The University of Wisconsin Press.
- Fairfield, T. and Charman, A. E. (2017) 'Explicit Bayesian Analysis for Process Tracing: Guidelines, Opportunities and Caveats', *Political Analysis*, 25(3), pp. 363–380.
- Fritz, V. (2007) *State-building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central European University Press.
- Frye, T. (1997) 'A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies', *Comparative Political Studies*, 30(5), pp. 523–552.
- Gofas, A. and Hay, C. (eds.) (2010) *The Role of Ideas in Political Analysis*. London: Routledge.
- Guy Peters, B., Pierre, J. and King, D. S. (2005) 'The Politics of Path Dependency: Political Conflict in Historical Institutionalism', *The Journal of Politics*, 67(4), pp. 1275–1300.
- Hay, C. (2008) 'Constructivist Institutionalism' in Bender, S., Rhodes R.A.W. and Rockman B. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford: Oxford University Press, pp. 56–74.
- Hay, C. (2011) 'Interpreting Interpretivism Interpreting Interpretations: The New Hermeneutics of Public Administration', *Public Administration*, 89(1), pp. 167–182.
- Hay, C. (2017) 'The Interdependence of Intra- and Inter-Subjectivity in Constructivist Institutionalism', *Critical Review*, 29(2), pp. 235–247.
- Hay, C. (2020) 'Brexistential Angst and the Paradoxes of Populism: On the Contingency, Predictability and Intelligibility of Seismic Shifts', *Political Studies*, 68(1), pp. 187–206.
- Hay, C. (2020) 'Does capitalism (still) come in varieties?', *Review of International Political Economy*, 27(2), pp. 302–319.
- Katzenstein, P. J. (2003) 'Small States and Small States Revisited', *New Political Economy*, 8(1), pp. 9–30.
- March, J. G. and Olsen, J. P. (1984) 'The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life', *The American Political Science Review*, 78(3), pp. 734–749.
- North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson, M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ostrom, E. (1998) 'A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action: Presidential Address, American Political Science Association, 1997', *The American Political Science Review*, 92(1), pp. 1–22.
- Ostrom, E., Gardner, R. and Walker, J. (1994) *Rules, Games and Common — Pool Resources*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom, V., Feeny, D. and Pitch, H. (eds.) (1993) *Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives and Choices*. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Pranevičiūtė, J. (2007) 'Belarus Identity: Ideals or Trades-off?', *Lithuanian Political Science Yearbook*, 1, pp. 175–211.
- Saimon, H. A. (1978) 'Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture', *American Economic Review*, 68(2), pp. 1–16.
- Saurugger, S. (2013) 'Constructivism and public policy approaches in the EU: from ideas to power games', *Journal of European Public Policy*, 20(5), pp. 888–906.
- Schmidt, V. (2008) 'Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse', *Annual Review of Political Science*, 11, pp. 303–326.
- Schmidt, V. (2009) 'European Elites on the European Union: What Vision for the Future?' in Gamble, A. and Lane, D. (eds) *The European Union and World Politics*. London: Palgrave Macmillan, pp. 257–273.
- Schmidt, V. (2010) 'Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism'', *European Political Science Review*, 2(1), pp. 1–25.
- Schmidt, V. (2011) 'Discursive institutionalism' in Badie, B., Berg-Schlosser, D. and Morlino, L. (eds.) *International encyclopedia*

of political science. Thousand Oaks: SAGE Publications, pp. 684–686.

Thelen, K. and Steinmo, S. (1992) ‘Historical Institutionalism in Comparative Politics’ in Steinmo, K., Thelen, K. and Longstreth, F. (eds.) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*.

Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.

Thomas, D. C. (2011) ‘Explaining EU Foreign Policy: Normative Institutionalism and Alternative Approaches’ in Thomas, D. C. (ed.) *Making EU Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan, pp. 10–28.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

IDEATIONAL INSTITUTIONALISM: EXPLAINING INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS DURING A CRISIS

A. D. Onishchenko

A. D. Onishchenko, graduate student,

National Research University “Higher School of Economics”, Russia, Moscow.

E-mail: onishchenko.ad@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4506-6452. ResearcherID: AAD-8268-2019)

Abstract

The role of agents' ideas in determining the direction of institutional transformations is often underestimated; this is especially true if one is analyzing the formation and/or reformation of institutional design during a crisis when the significance of other factors may decrease. Institutional approaches of historical institutionalism and rational choice institutionalism are not always able to adequately measure the impact that agents' ideas have on institutional transformations. Ideational institutionalism, on the contrary, allows one to focus on these ideas, as well as to analyze both ideas' effect on emerging institutions and the impact of an agent's ideas on ideas of other agents. Furthermore, ideational institutionalism in the form presented in the article proposes to move away from the perception of ideas exclusively as intersubjective and to separately study the ideas of each decision-maker; this allows one to assess the role of a particular agent in the formation of institutions. This approach is promising, in particular, for the analysis of the institutional changes that occurred in the post-Soviet countries after the collapse of the Soviet Union. The article discusses the main characteristics of the ideational approach and the framework of its use on the example of institutional changes in the Republic of Belarus in the 1990s.

Keywords: ideational institutionalism; institutions; institutional transformations; institutional change; ideas; crisis; discourse; Republic of Belarus.